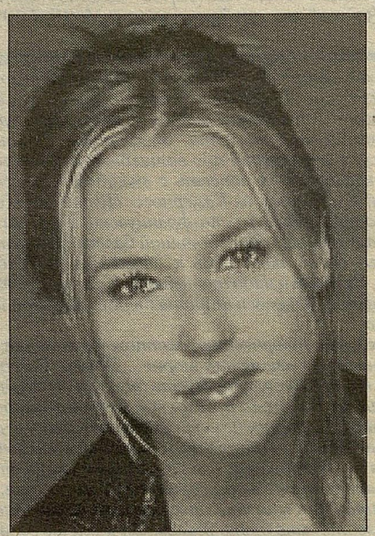
Перемена участи

Джуэл — значит «сокровище»

Экран и сцена. — 2000. — янв.-февр. (№ 3). — с. 12



Джуэл – феномен в современной поп-культуре. Певица, композитор, поэт, актриса, сыгравшая в фильме Анга Ли "Поездка с дьяволом" – не слишком ли много для одного человека? Джуэл Килчер родилась на Аляске. Ей было 8 лет, когда родители развелись, и она осталась с отцом и двумя братьями, взвалив на себя домашнее хозяйство. В свободное время она пела дуэтом с отцом в местных заведениях. В 13 лет Джуэл переехала к матери в Сан-Диего, где быстро спуталась с местными подростковыми бандами, встречалась с гораздо более старшими мужчинами и даже немного воровала. Неоспоримый талант позволил ей завоевать стипендию в престижную Академию искусств Interlochen в Мичигане (отделение вокала, актерского мастерства и драматургии). Вернувшись по окончании колледжа в Сан-Диего, она пыталась найти "нормальную" работу, но потом по совету матери решила сосредоточиться на творчестве. Чтобы радикально сократить расходы, она переехала в вагончик-развалюху на берегу океана, питалась морковкой и картошкой, мыла голову в публичных туалетах и все ее вещи умещались в рюкзаке. Жертвы окупились в тот день, когда ее композиции, исполняемые в местном баре, услышал сотрудник фирмы грамзаписи Куинси Джонса Q8 и немедленно предложил ей контракт. Первый альбом Джуэл Pieces of You (1995) разошелся тиражом 11 миллионов экземпляров. Второй, Spirit (1996) – тиражом 4 миллиона. Недавно она выпустила третий – Joy: A Holiday Collection. Между музицированием успела сочинить сборник стихотворений "Ночь без доспехов".
Сегодня она демонстрирует нам новые грани своего таланта – лицедейские.

– Вас давно уже приглашали в кино. Почему вы решили играть именно у Анга Ли?

– Я давно начала читать сценарии, но до сих пор у меня не было времени на фильм. Я не могла оторваться от музыки на целых полгода. Но потом пришел момент, когда моя музыкальная карьера стабилизировалась, и как раз в это время Анг искал исполнителей в свой фильм. Я решила, что для меня это будет замечательная возможность научиться чему-то новому.

– Он объяснил вам, почему решил взять именно вас?

– Анг сказал – потому что во мне нет дерьма! *(смех)* Думаю, у него не было особой необходимости приглашать меня в свой фильм. Более того, этим он сделал свою позицию в проекте гораздо более уязвимой. Но я была очень рада, что ему пригодилась – мне было важно сыграть костюмную роль, чтобы меня не воспринимали как сугубо современный тип.

– Вам было страшно на съемках?

– Ужасно.

– Но ведь вы раньше изучали актерское мастерство.

– Дело в том, что в колледже я записалась сразу на три профильные дисциплины. Три – это слишком тяжело. Вскоре я бросила актерское мастерство и занималась в основном вокалом и дикцией.

– Как прошли пробы?

– Я страшно нервничала. Во время первого собеседования я была просто ужасна! *(смех)*. Но Анг согласился снова со мной встретиться. Он был очень добр ко мне. Я до сих пор не могу поверить, что он меня взял. Наверняка он понимал, что если я буду у него играть, ему придется учить меня всему. Я знала, что он ни за что не позволит мне сыграть плохо. В первый день съемок я с ужасом поняла, что совершенно не готова к встрече с камерой. Мне до сих пор не очень комфортно, когда на меня направлен объектив. Наверное, все приходит постепенно.

– Вас раздражали долгие часы ожидания на съемочной площадке?

– Мои биологические часы идут совершенно иначе, чем у киношников. Обычно я до конца просыпаюсь часам к шести вечера.

– Вы знали, что люди будут особенно внимательно присматриваться к вашей работе именно потому, что вы – не актриса-профессионалка?

– Да, разумеется. Но я выросла в семье ковбоев – они не привыкли отступать перед трудностями.

– Как вы подходили к роли?

– Нужно попасть в эмоциональный настрой героини, а мне трудно это сделать без музыки. Если я пишу или исполняю песню о сердечных страданиях, у меня разрывается сердце – причем все происходит совершенно спонтанно, мне не нужно настраиваться. Мне было очень трудно читать сценарий и вникать в сложности взаимоотношений героев и контекст. Порой я пыталась пропеть свои реплики – право же, это помогало! *(смех)*

– Вам не было страшно обнажить грудь в сцене кормления ребенка?

– Анг написал эту сцену не для того, чтобы публика полюбовалась на мои сиськи. Ему нужно было показать атмосферу нежности и теплоты. Обнаженная грудь была оправдана с художественной точки зрения, и мне не было стыдно или странно. С другим режиссером и в другой ситуации я могла бы не согласиться обнажить грудь.

– Вы могли соотнести себя с вашей героиней?

– Думаю, да. Это были тяжелые времена, и они требовали от людей полной самоотдачи и полного самораскрытия. Когда я жила на Аляске, то заметила, что самые бедные люди были самыми сильными духовно. Им приходилось черпать в своей душе очень глубоко – глубже, чем обеспеченные люди могут даже представить.

– Вы были единственной женщиной в мужской съемочной группе. Это вас не стесняло?

– Я выросла среди мужчин, на ранчо – мне не привыкать. К тому же график съемок был очень тяжелый, мы валились с ног от усталости. У меня не было времени на разговоры – мне бы ухватить пару лишних часиков на сон! *(смех)*

– Этот фильм заразил вас вирусом лицедейства?

– Я всегда хотела играть и мое желание неизменно. Я рада, что за плечами у меня уже есть один кинопроект – и далеко не самый худший в сезоне.

– У вас есть на примете следующая кинороль?

– Пока нет.

– Вы получили от лицедейства что-то такое, чего не получили от музыки?

– Я много лет выступаю на сцене и хорошо знаю всю эту механику. Хотя, конечно, каждый день преподносит новые уроки. Но игра в кино стала таким гигантским виражом в процессе познания себя, что мне до сих пор немного страшно. И заманчиво. Я предпочитаю утонуть в глубоком конце бассейна, чем барахтаться в мелком! *(смех)*.

– Вы часто вспоминаете детство?

– Когда срочно нужно вдохновение! *(смех)* Конечно, все это похоже на волшебную сказку. Господь дал мне великий дар и позволил заниматься тем, что я люблю.

– Вам не приходило в голову отступиться в трудные времена?

– Я никогда не переставала надеяться – иначе я не была бы здесь. Но, конечно, у меня были моменты сомнения и неуверенности в себе. Я никогда не считала себя великой личностью, которую вот-вот откроют. Я никогда не думала, что смогу добиться того, чего добилась сегодня. Просто мне не хотелось всю жизнь прожить в вагончике.

– Откуда в вас столько воли к победе?

– Я выросла в семье пионеров. Мой дед приехал на Аляску из Швейцарии. Он приехал на Аляску в качестве поселенца еще до того, как Аляска стала американским штатом. Мой отец, его братья и сестры – все они получили домашнее образование. Их учили языкам, сельскому хозяйству, рисованию, музыке. Во время долгой зимы они уезжали в Европу, где выступали в водевильных шоу – играли, пели, танцевали. Меня растили в лучших семейных традициях. С детства я училась писать, плести корзины, вырезать по дереву, рисовать. Искусство в моей жизни живет по особым ритмам. Если мне надоедает писать, я начинаю рисовать. Потом, через пару месяцев, мне снова хочется писать. Я никогда не заставляю себя делать то, чего мне не хочется. Я никогда не говорю: "Ах, у меня писательский кризис!" Я просто говорю себе, что пришло время музицировать или петь. Поэтому после подписания контракта со студией мне пришлось несладко.

– Когда вы стали "контрактницей"?

– В 18 лет. После этого я несколько лет должна была вкладывать в музыку все силы. Впервые в жизни мне пришлось идти против естественного творческого ритма, и это быстро надоело. Не хотелось ни петь, ни путешествовать, ни давать интервью. К тому времени, когда я смогла сбросить с плеч этот груз, я была в отчаянии и страстно хотела заняться чем угодно, кроме музыки.

– В детстве вы чувствовали себя обделенной?

– Я очень гордилась семейными традициями, но вместе с тем я сознавала, что у нас нет многого, что есть у соседей. Нужда – великий воспитатель! (смех) Мне повезло в том плане, что нас учили самостоятельно делать вещи, в которых мы нуждались. Мы делали удивительные подарки друг другу. Когда я переехала в город, я поняла, что здесь эти традиции утрачены. Город – грустное место, в нем очень много грустных людей.

– Вы испытали влияние городской музыки?

– Когда мне было 14-15 лет, я немного пела в рэп-группе. Мой приятель сидел за ударными и синтезатором. Но я там долго не продержалась. До того, как подписать контракт, я пела в кафе, и меня приходили слушать разные люди – пожилые пары, молодежь, черные, белые, испанцы. Студия звукозаписи работает на определенный рынок, поэтому тебя сразу же зачисляют в какую-то категорию. Но мне повезло – меня все равно слушают разные люди. Во Флориде на мои концерты приезжали рокеры на мотоциклах.

– Какой из своих неизвестных талантов вы намерены продемонстрировать публике в следующий раз?

– Я собираюсь поместить в мою следующую книгу мои рисунки. С рисованием тяжело. Я могу писать стихи во время поездок, а вот возиться с красками в пути неудобно.

– Вам нравится, когда вас называют кумиром или образцом для подражания?

– Я бы предпочла не быть ни тем, ни другим. Мне хочется надеяться, что для кого-то моя работа станет вдохновляющей. Когда я только начинала карьеру, у меня была небольшая, но сплоченная армия поклонников, и однажды я обратилась к ним и посоветовала использовать их энергию в созидательных целях. Если я смогла уберечь кого-нибудь от наркотиков или гангстеризма, – отлично.

– А кто в свое время вдохновлял вас?

– Люди, непоколебимые в своих убеждениях, – Мартин Лютер Кинг, Анаис Нин, Чарлз Буковски.

– Какую музыку вы сегодня слушаете?

– Я переживаю фазу увлечения классическим роком – The Rolling Stones, Джими Хендрикс. В детстве я их не слышала и только сегодня начинаю въезжать.

– Ваш новый альбом Joy – это коллекция старых песен, или?..

– Я написала для него несколько новых. Я сочинила свою первую арию. Это было потрясающе – мне пришлось петь совершенно иначе, чем раньше. Классика, церковные песнопения – я только начинаю все это осваивать. Ужасно интересно.

– Вы будете гастролировать в 2000 году?

– Я гастролировала целый год – от Малайзии до Огайо. Хочу немного отдохнуть, прежде чем снова начать себя терзать.

Сьюзен ХОУАРД